

Игорь Георгиевич Шургая (1934-1982)

Выдающийся ученый-антиковед Игорь Георгиевич Шургая родился 1 мая 1934 г. в Ленинграде в русско-грузинской семье: предки по мужской линии происходили из Западной Грузии (Кутаиси), по женской - из крестьян Обонежья (с. Ошта), т.е. с территории, некогда входившей в состав владений Великого Новгорода. Его родственники с той и другой стороны оставили заметный след в истории нашего города. Среди них можно упомянуть всем известного председателя Исполкома Петроградского совета Николая Семеновича Чхеидзе и деда Игоря Георгиевича, Петра Ивановича Лучкина, создателя С.-Петербургских Электромеханических мастерских, ставшего миллионером и заслужившего за производимую продукцию многие международные награды, в том числе три гран-при на Всемирных выставках в Париже и Неаполе.

Ребенком Игорь Георгиевич пережил все ужасы блокады и даже был ранен случайным осколком. Тогда же, в блокаду он начал учиться в расположенной недалеко от дома школе № 24 Василеостровского района. В возрасте восемнадцати лет И.Г.Шургая поступил на исторический факультет ЛГУ (кафедра археологии). С этого времени основным предметом научных интересов и делом всей жизни для него стало изучение античной археологии Средиземноморья и Причерноморья. В свою первую археологическую экспедицию он отправился в 1953 г. в Керчь, где тогда проводила масштабные исследования Боспорская экспедиция ЛОИА АН СССР во главе с виднейшим советским антиковедом В.Ф.Гайдукевичем. Эта первая экспедиция, безусловно, определила очень многое в судьбе И.Г.Шургая, посвятившего себя изучению боспорских городов, таких как Мирмекий, Тиритака, Илурад.

Обучение в университете завершилось в 1957 г., когда страна после XX съезда КПСС, как казалось, расставалась с недавним прошлым, но оно не сразу отпускало людей. Вспоминается фотография из семейного альбома чуть более раннего времени, на которой Игорь Шургая запечатлен на праздничной демонстрации, возможно, первомайской (т.е. в день его рождения). Мы видим молодого человека с модным коком на голове, тоненькой полоской усиков, в элегантном пальто и с портретом Сталина в руке. Это любительское фото с документальной силой позволяет ощутить сложнейшую эпоху, которую в то время переживала наша страна, представить себе, какие непростые, неоднородные, может быть, даже противоречивые чувства переполняли сердца ее граждан. Игорь Георгиевич был членом КПСС, но сталинистом, конечно, не был! И вообще он был человеком в высшей степени порядочным, чутким по отношению к другим людям, всегда очень болезненно воспринимавшим любую несправедливость и, по выражению В.М.Массона, всегда готовым лечь «на амбразуру чужого горя».

В феврале 1958 г. И.Г.Шургая был принят в ЛОИА АН СССР на должность научно-технического сотрудника, проще сказать, лаборанта с окладом 740 рублей. В следующем 1959 г. он уже начальник отряда Боспорской экспедиции, а в 1962 г. принят в аспирантуру ЛОИА. Тема диссертационного исследования определялась долго и мучительно. Сначала она была в общих чертах сформулирована как «Экономика городов Северной Африки в римскую эпоху», затем, в декабре 1963 г., изменена на «Внешнеэкономические связи Боспора эпохи эллинизма». В 1965 г. тема трансформировалась еще раз – «Александрия Египетская – ремесленный и торговый центр в III-I вв. до н.э.». Наконец, представленная в окончательном виде кандидатская диссертация называлась уже «Керамическое производство Александрии Египетской эпохи эллинизма (III-I вв. до н.э.)». Официальными оппонентами на защите, состоявшейся 8 февраля 1967 г., были Б.Б.Пиотровский и Г.Д.Белов.

Можно представить, как нелегко давалась, в общем, еще совсем молодому человеку неопределенность ситуации, как сложно ему было в этой неразберихе и разногласии отстоять свою точку зрения. Конечно, он всегда мог опереться на поддержку своего учителя В.Ф.Гайдукевича, смерть которого в 1966 г. во время раскопок городища Мирмекий стала страшным ударом для Игоря Георгиевича. Лишь через шесть лет после этого И.Г.Шургая попытался возродить Боспорскую экспедицию ЛОИА, но времена уже стали не те, да и люди изменились. Когда-то единая «команда Гайдукевича» рассыпалась.

Надо признать, что Игорь Георгиевич чрезвычайно любил своего учителя. Эта любовь, как представляется, доходила почти до обожания. Единственно верным вектором научного пути для И.Г.Шургая была линия, обозначенная С.А.Жебелевым и В.Ф.Гайдукевичем. Отступать от их наследия он не желал даже в мелочах, и эта позиция, конечно, заслуживает уважения, хотя, с другой стороны, всем ясно, что любое движение вперед не может обойтись без переосмысления старого опыта и былых достижений.

Еще до защиты диссертации, в декабре 1965 г., И.Г.Шургая был переведен на должность младшего научного сотрудника. Тогда, после смерти В.Ф.Гайдукевича, Группу античной археологии возглавил П.Н.Шульц. Здоровье этого уважаемого человека становилось все хуже и хуже. Он часто и продолжительно болел, поэтому ставший к тому времени старшим научным сотрудником И.Г.Шургая в 1971 г. был назначен заведующим Группой. В общем, с карьерой все, как будто, обстояло достаточно благополучно. Вскоре, однако, разразились неприятности. Учитывая некоторые проблемы, по большей части формального характера, связанные с выполнением плановой темы, руководство Института решило «разгрузить его от обязанностей заведующего Группой» (формулировка из приказа от 20 марта 1975 г.). Поскольку в ЛОИА для этой должности подходящей кандидатуры не нашлось, то «дистанционное управление» Группой стала осуществлять из Москвы И.Т.Кругликова. Впрочем, вскоре все вернулось «на круги своя», и в декабре 1980 г. Игорь Георгиевич получил премию в размере 120 руб. «за четкое руководство Группой античной археологии на общественных началах».

Мы уже говорили, что, будучи студентом, И.Г.Шургая прошел хорошую школу на раскопках Мирмекия и Илурата. Впрочем, откровенным «полевиком» он так и не стал и любил повторять: «Вот часто говорят, что археолог – это не кабинетный ученый..., да самый кабинетный!» Действительно, Игорь Георгиевич любил свой уютный кабинет в доме на 2-й линии Васильевского острова, из окна которого открывался прекрасный вид на купол Академии художеств. Одна стена там была целиком заставлена книгами, в том числе привезенными из путешествия 1967 г. по Египту, Ливии и Тунису, и, надо сказать, что проблемы изучения не только Причерноморья, но и Средиземноморья эпохи эллинизма всегда оставались в поле его зрения. Отдельные крупные статьи И.Г.Шургая, связанные с исследованием производства рельефной керамики на Боспоре, позднеэллинистическими рельефными кубками и александрийской чернофигурной керамикой стали классикой отечественной античной археологии.

Над рабочим столом И.Г.Шургая висела в рамке акварель работы его давнего, со времени блокады, друга, известного востоковеда А.П.Терентьева-Катанского. С присущим ему юмором он, копируя средневековую миниатюру, изобразил Игоря Георгиевича в виде германского императора Оттона III со всеми атрибутами власти, пришедшими в Западную Европу из Византии. Рядом находился гравированный портрет другого императора, Наполеона I. Все это, конечно, отражало разнообразные увлечения хозяина кабинета. Действительно, нужно было быть большим поклонником

великого корсиканца, чтобы выложить за редкое издание мемуаров его секретаря Бурьенна 200 рублей, сумму равную тогда месячной зарплате младшего научного сотрудника с кандидатской степенью.

Игорь Георгиевич ценил хорошую книгу, любил и хорошо знал поэзию, среди его любимых поэтов был, разумеется, и А.С.Пушкин. Помнится, получив очередной том последнего академического издания А.С.Пушкина, он заколол скрепочкой несколько страниц. Оказалось, это была «Гавриилиада», и И.Г.Шургая не хотел даже случайно раскрыть этих кощунственных, как он сам говорил, «недостойных гения строк». Эта маленькая деталь позволяет с уверенностью говорить, что наш учитель был христианином. В его характере вообще перемешалось многое, что, казалось бы, никак не может соединиться вместе – членство в коммунистической партии и глубокая религиозная вера, горячий кавказский темперамент и утонченность петербургского интеллигента.

На работу Игорь Георгиевич обычно ходил пешком, и иногда прогулки с ним по улицам и набережным города превращались в настоящие лекции об архитектуре и истории С.-Петербурга. Он знал все буквально о каждом доме, называя события, с ним связанные, и перечисляя владельцев. В разговоре этот непревзойденный рассказчик легко затрагивал любые темы – от устройства древнегреческого дома до деталей биографии Наполеона.

И все же, хотя И.Г.Шургая не жаждал покидать свой Петербург-Ленинград и надолго расставаться с городским комфортом, он год за годом отправлялся в Илурат, который любил не менее сильно. В палатке начальник экспедиции, естественно, не жил, а снимал комнату в близлежащей деревне Ивановке, в доме, который облюбовал еще В.Ф.Гайдукевич. Этот дом располагался на восточном краю деревни, всего в каком-то километре от экспедиционного лагеря, разбитого на вершине холма около юго-западных ворот городища. На раскопе он, следуя традиции В.Ф.Гайдукевича, появлялся обычно не раньше 11 часов утра в черных очках, белом костюме и белой пилотке на голове. Общение с ним в течение рабочего дня очень любили студентки Академии художеств, проходившие археологическую практику на раскопках Илурата, так как под интересную беседу можно было отдохнуть, на некоторое время забыть о надоевшей им лопате.

Человек увлекающийся, И.Г.Шургая часто говорил о «магии идеи», и она, безусловно, нередко овладевала им самим. Так было с предположением о наличии большой площади в районе перекрестка двух главных улиц Илурата или стремлением найти в крепости «римские казармы». Эти ожидания не подтвердились, но с именем исследователя связаны многие важные открытия, полученные в ходе изучения фортификации, планировочной структуры Илурата и центральных кварталов города, где были обнаружены домашнее святилище и производственный комплекс винодельни.

К сожалению, жизнь Игоря Георгиевича Шургая оборвалась на пике возможностей, в расцвете таланта и творческих сил. Он скоропостижно скончался 6 февраля 1982 г., когда ему не исполнилось и 48 лет.

Ю.А.Виноградов, В.А.Горончаровский